

нию сидящей Афродиты на золотом медальоне из б. собрания И. И. Толстого ¹, ее следует считать Афродитой. Такой бюст в тимпане фронтона не следует понимать реалистически и рассматривать как «фронтонную скульптуру» храма. Это изображение тоже условное, его надо понимать как верхнюю часть статуи, которая в действительности находится внутри здания, т. е. на третьем плане, совершенно невидимом. Изображение третьего плана осуществлено по тому же принципу, как это сделано со вторым планом — ярусами, только в роли полезной площади оказался использованным просвет фронтона. Частичный показ храмовой статуи был продиктован, очевидно, стремлением во что бы то ни стало пояснить, перед храмом какого божества разворачивается эта сцена ². Между колоннами расположены четыре круглых щита, развешанных на стене целлы храма. Возможно, они декоративные, но скорее всего они-то и являются приношением военачальника.

Обломанная часть, возможно, имела надпись, которая многое могла бы нам разъяснить, если бы сохранилась. В настоящее время фрагмент имеет высоту только 0.87 м. Ватцилгер датировал надгробие II в. до н. э.

На основании иконографической близости образа жрицы и бюста богини в тимпане фронтона к образу Афродиты на боспорских монетах II в. н. э., а также формы щитов, развешанных на целле храма и имеющих аналогию со щитами на ливестигурных монетах боспорских царей того же времени (т. е. конца I — начала III в. н. э.), я считаю необходимым пересмотреть вопрос о датировке керченского надгробия № 407. Его можно считать более поздним, скорее всего относящимся к рубежу I—II или даже ко II в. н. э., что не стоит в противоречии с его стилем, хотя сохраняющим в себе еще не изжитые традиции позднеэллинистических боспорских надгробий, но все же явно обнаруживающим поворот в сторону деградации, характерной для римского времени ³.

Таким образом, надгробие по всем данным относится приблизительно к тому же времени, к которому относятся и монеты с изображением храма. Пятиколонный фасад ионийского ордера на надгробии и на современных ему монетах — явление более правдоподобное, чем на памятниках разновременных. Обе реплики восходят к одному реальному архитектурному памятнику Боспора, послужившему прототипом и для надгробия и для монет.

Л. П. Харко

ПЕРМСКИЙ ВСАДНИК

Одним из излюбленных мотивов изображений на серебряных блюдах юго-восточного происхождения, найденных в Прикамье, является образ царя из династии Сасанидов во время охоты на диких зверей, которых он поражает мечом, копьём или стрелами.

Обычно царь на этих блюдах изображен в парадных одеждах, с характерным головным убором, верхом на богато убранный коне. Центральную фигуру всадника окружают бегущие звери — львы, кабаны, небольшие рогатые животные, зайцы, лоси или олени, собаки (рис. 1 и 2).

Невольно возникает вопрос — почему именно этот сюжет так часто встречается

¹ ИАК, 49 (1913), табл. II, рис. 3.

² Нечто подобное мы видим на римском надгробии Гатериев эпохи Флавиев (Рим, Латеранский музей), где бюст погребенного помещен на фронтоне гробницы, изображенной на рельефе, см. W i n t e r, Kunstgeschichte in Bildern, neue Bearbeitung. I. Das Altertum, вып. 5—6, стр. 171, рис. 3.

³ Ю. Ю. М а р т и, Позднеэллинистические надгробия Боспора, как историко-культурный документ, СА, VII (1941).

на блюдах, проникавших в Прикамье? В дальнейшем изложении попытаемся ответить на этот вопрос.

Прежде всего посмотрим, как широко и где именно распространялись находки восточного серебра в бассейне Камы. Рассмотрение карты, приложенной к атласу Я. И. Смирнова «Восточное серебро», показывает, что область распространения находок серебряных блюдец и сосудов юго-восточного происхождения поразительно совпадает с областью расселения племени, которое покойный М. В. Талицкий в своей работе¹ отождествил с племенем «вису» или «ису» арабских источников. По его мнению,

Рис. 1. Блюдо с изображением сасанидского царя на охоте

это племя является предком современных коми-пермяков, исконным населением ныне занимаемой ими области, долго сохранявшим некоторые древние традиции ананьинской культуры. При работе М. В. Талицкого приложена карта поселений и могильников этого племени X—XIII вв. н. э. Совпадение этой карты с картой Я. И. Смирнова — совершенно исключительное: так, большой группе поселений соответствует и большое число находок восточного серебра, расположенных в тех же самых местах; маленькой группе — небольшое количество находок.

Единственным расхождением обеих карт является то, что М. В. Талицкий не указывал поселений племени вису по р. Сылве, тогда как отдельные находки восточного серебра известны с рек Сылвы и Уфы. Следует добавить также, что примерно те же места были заселены в V—VIII вв. н. э., в так называемую Ломоватовскую эпоху.

В результате сравнения обеих карт следует признать, что, начиная со второй половины I тысячелетия н. э., на верхней Каме формировалось и жило богатое и сильное

¹ Рукопись, архив ИИМК.

племя, которое вело торговлю с Ираном и Средней Азией, откуда оно получало серебряные блюда и сосуды, вероятно, в обмен на высоко ценимые на юге меха соболей, чернобурых лисиц и других пушных зверей, причем торговый путь или один из торговых путей шел по рекам Сылве и Уфе.

Область распространения находок восточного серебра на Каме примерно совпадает также с территорией распространения древних жертвенных мест, так называемых «костищ», некоторые из которых существовали в течение очень долгого времени¹. Например, начало известного Гляденовского костища, расположенного недалеко от города

Рис. 2. Блюдо с изображением сасанидского царя на охоте

Молотова (б. Перми), относится к IV—III вв. до н. э., и в то же время в житии Трифона, епископа вятского, мы читаем, что в его время около села Гляден существовало жертвенное место, куда в известные дни издалека приплывали для отправления религиозных обрядов остяки и вогулы и где главным божеством была огромная ель.

Каковы условия находок восточного серебра в Прикамье? Почти всегда серебряные блюда и сосуды были находимы при распашке земли, впервые очищенной от леса, или при корчевке шпей — т. е. в бывших рощах или участках леса. Если принять во внимание, с одной стороны, что жертвенные места манси и ханте, удмуртов, пародов юми и др. располагались в священных рощах, с другой — сообщения путешественников XVII—XVIII вв., которые видели металлические блюда, висевшие на деревьях в священных рощах, являвшихся религиозными центрами, — вывод о связи серебряных блюд юго-восточного происхождения с жертвенными местами, а следовательно, и с религиозными представлениями древнего населения верхней и части средней Камы будет неизбежен.

Теперь обратимся к интересующему нас сюжету — образу сасанидского царя на охоте в виде всадника, вооруженного мечом, копьем или, чаще, луком и окружен-

¹ Карта распространения костищ приложена к работе А. В. Ш м и д т а, Жертвенные места Вятско-Камского края.

ного зверями, и попытаемся найти объяснение, почему этот образ являлся одним из излюбленных в области распространения юго-восточного серебра на Каме.

Среди материала с Гляденовского костыща, который можно отнести к так называемой пьяноборской эпохе (III в. до н. э.—III в. н. э.), имеется одна чрезвычайно интересная группа вещей из раскопок Н. Н. Новокрещенных¹. В центре группы находилась круглая серебряная бляха, где изображена человекообразная фигура с головами животных в руках и птицей на голове, стоящая на звере (рис. 3). Вокруг нее были расположены 8 фигурок животных, 2 птицы, змея, 6 бляшек, круглая бронзовая пуговица,

Рис. 3. Серебряная бляха с Гляденовского костыща

Рис. 4. Серебряная бляха из дер. Сечище (н. в.)

38 бронзовых бус, 3 ножа, 4 железных и 3 костяных наконечника стрел и несколько обломков бронзовых и железных предметов. Все эти вещи были уложены вокруг бляхи, посыпаны пеплом, и каждая из них была прикрыта черепком. На некоторых из черепков имелись следы, напоминающие следы крови. К сожалению, по фотографии, снятой Н. Н. Новокрещенных, нельзя определить, какие именно звери и птицы составляли свиту божества.

Что за божество изображено на центральной бляхе? Повидимому, это тот же самый образ, который дан на известной бляшке из Александропольского кургана (в виде крылатой женщины со зверями), образ владычицы зверей и всего сущего, «крылатая Артемида», древнее женское божество, образ которого сохранился в русских и украинских вышивках, иногда почти в первоначальной чистоте.

Ту же фигуру с головами животных в руках, но стоящую не на звере, а на лошади и окруженную изображениями зверей и птицы, мы видим на серебряной бляхе, найденной в дер. Сечище² (рис. 4). Здесь животные, окружающие центральную фигуру, находятся уже на самой бляхе. Вверху и внизу бляхи имеются отверстия для нашивания на ткань или кожу.

Обе бляхи местной работы. Изображения животных на второй бляхе стилистически близки к фигуркам Гляденовского костыща, хотя последние выполнены так называемым плоским литьем.

Дальнейшее развитие того же мотива мы видим на двух почти идентичных блюдах, изображенных в атласе «Восточное серебро» под №№ 160 и 161 (табл. ХС и ХСІ). В цен-

¹ Н. Н. Новокрещенных, Гляденовское костыще, «Труды Пермской ученой архивной комиссии», вып. XI.

² «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых», табл. II, 9.

тре блюд находится фигура обезьяны в женской одежде или женщины с головой обезьяны, сидящей верхом на лошади, едущей влево и окруженной животными — зверями, птицами, пресмыкающимися. Вся композиция заключена в кольцо из двух перевившихся змей (рис. 5). Не вдаваясь в дальнейший разбор вопроса о месте происхо-

Рис. 5. Бронзовое блюдо с обезьяной на коне

дения блюд и местного осмысления описанной композиции, отметим лишь, что на Каме то изображение имело тот же смысл, как и два предыдущих. Центральная фигура представляла собой тот же образ владычицы зверей, но не стоящей, а сидящей на лошади и окруженной животными. Оба блюда бронзовые и довольно грубой работы.

Наконец, женская фигура заменяется мужской. На круглой бляхе из б. Пермской губ. мы видим фигуру мужчины, сидящего верхом на едущем вправо коне и обращенного лицом вперед. Всадник окружен зверями и птицами (рис. 6). Известно несколько подобных блях, происходящих с верхней Камы («Восточное серебро», табл. 91, рис. 24, 25, 26, 28).

О том, что в III—IV вв. н. э. население верхней Камы представляло себе верховное божество в виде мужчины-охотника, свидетельствует, например, один из «чудских образков» Подчеремского клада, где изображен мужчина с луком и стрелами, над головой которого находятся голова хищной птицы или грифона, а по бокам — два человеко-лося¹ (рис. 7).

¹ Аналогичное изображение известно из с. Георгиевского, «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых», табл. XXVI, рис. 10.

Таким образом, мы видим, что к сассанидской эпохе на верхней Каме уже сложилось представление о верховном божестве как о мужчине-охотнике, который чаще всего изображался в виде всадника, окруженного зверями. Процесс смены женского верховного божества мужским и зверя, на котором стояла богиня, конем к этому времени уже завершился.

Рис. 6. Бляха с изображением мужчины-всадника

Рис. 7. «Чудский образок» Подчеремского клада

С этой точки зрения становится ясным, почему юго-восточные серебряные блюда с художественными изображениями царя-охотника, окруженного дикими зверями, так часто находились на верхней Каме. Это происходило вследствие того, что сюжет,

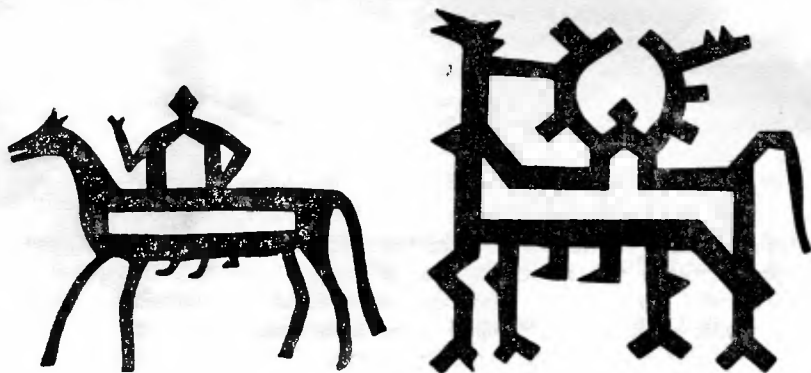

Рис. 8. Мир суснэ хум

изображенный на этих блюдах, был близок и понятен богатому и многочисленному племени, торговавшему с юго-востоком; в образе сассанидского царя люди видели в художественном оформлении свое верховное божество, бога-охотника, поражающего диких зверей.

И настолько близок и привычен был образ бога-всадника, что на одном сассанидском блюде, где в центре был художественно изображен конь, на Каме к нему был грубо пририсован мужчина-всадник с заостренной головой, что являлось одним из признаков божества ¹.

¹ А. А. Спицын, Шаманские изображения, рис. 6.

Сын бога неба, покровитель людей и животных («о людях и животных заботящийся»), Мир суснэ хум еще в недалеком прошлом изображался манси тоже в виде всадника. На рис. 8 даны его изображения на тор-покрывале для жертвенного животного.

Среди древнего населения бассейна Камы преобладающую роль мужчины можно установить уже в ананьинском обществе в VII—III вв. до н. э. Основанием для этого являются особо пышные и богатые мужские погребения и захоронения (правда, единичные) мужчины с женщинами-рабынями. Однако пережитки матриархата, вероятно, были в то время еще очень сильны, что нашло свое отражение и в конструкции ананьинского жилища, напоминающего длинный дом сенека-прокезов, где главой рода была женщина, и в глиняных женских фигурках, вероятно, олицетворявших божественную покровительницу домашнего очага, найденных на позднеананьинских поселениях.

Некоторые очень интересные пережитки матриархата сохранились у удмуртов почти до недавнего времени. Повидимому, эти пережитки были сильнее всего в религиозных воззрениях. Однако приведенные примеры показывают, что к III в. н. э. процесс борьбы с пережитками матриархата в основном уже завершился не только в жизни, но и в религии, что нашло свое выражение в смене женского верховного божества мужским.

А. В. Збруева

ТУАЛЕТНАЯ ЛОЖЕЧКА № 3627 ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ им. А. С. ПУШКИНА

Среди прекрасного собрания памятников египетской художественной промышленности Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина находится в своем роде единственная вещь: туалетная ложечка типа «плавальщицы-купальщицы» (дл. 19, 4 см, рис. 1—3). Название это давно уже присвоено подобного рода туалетным сосудикам египтологической наукой.

В египетском, как и в других искусствах древности, стирается грань между памятниками художественной промышленности и собственно пластики. Тем самым лишней раз доказывается незаконность понятия «прикладного искусства», возникшего в буржуазной эстетствующей науке, отдававшей предпочтение «большому искусству» в противоположность якобы прикладной роли, которую играло искусство малых форм. Но в условиях древнеегипетской культуры с ее органической спайкой ряда видов искусства, отпочковавшихся лишь в позднейших обществах, неправомочность термина «прикладное искусство» выступает с особенной силой.

В самом деле, публикуемая ложечка, хотя и имеющая узко практическое назначение, является, конечно, памятником мелкой пластики, с особой силой расцветшей в эпоху Нового царства.

Памятник был впервые издан в 1912 г. В. К. Мальмбергом¹. Однако публикацию В. К. Мальмберга можно считать лишь предварительным этюдом. Это и позволило мне вновь вернуться к нашему чудесному памятнику и рассмотреть тот обширный круг вопросов, который оказался совершенно незатронутым. В. К. Мальмберг ограничился голым описанием ложечки, без уточнения датировки и без привлечения необходимого круга аналогий, впрочем, в большинстве совсем и не известных еще в ту пору.

¹ В. К. Мальмберг, Купальщица и купальщик из собрания В. С. Голенищева, № 1032 и 3250, ПММИ, вып. I—II (1912), стр. 41—44.